

В.А. Кобелев

ОБ ОДНОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ДВУХПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ В РАННЕИНДООЕВРОПЕЙСКОМ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ РЕФЛЕКСОВ ИНДООЕВРОПЕЙСКОГО *DŃT- / *DÓNT-)

Куйбышевский филиал Новосибирского государственного педагогического университета

В современной лингвистике широко принято мнение, согласно которому номинативному строю индоевропейских языков предшествовал активный строй. Несмотря на то, что первый шаг был сделан Х.К. Уленбеком еще в 1901 г. [1], открытие и обоснование дономинативного этапа были сделаны отечественными лингвистами [2, с. 138; 3, с. 424; 4, с. 425]. Лингвисты того времени говорили об эргативной конструкции, а активный строй, если и принимали во внимание, то считали его разновидностью эргативного (см., например: [5, с. 343]). Работы Г.А. Климова [6, 7] внесли определенную ясность в терминологию, и после фундаментального труда Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [8] общепринятым считается мнение, согласно которому раннеиндоевропейский язык на раннем этапе своей истории являлся языком активного строя. Эти типы – активный и эргативный – различаются в синтаксических и морфологических средствах выражения содержания, но обнаруживают общие синтаксические особенности. По мнению Г.А. Климова, данные типы могут быть интерпретированы в качестве стадий развития языка (активный > эргативный > номинативный), т.е. речь идет о «едином процессе постепенного усиления субъектно-объектной ориентации их структуры» и о «необратимости развития от одного языкового типа к другому» [9, с. 218].

Активные языки характеризуются бинарной оппозицией как в структуре имени, так и в структуре глагола. Все имена делились на два класса в зависимости от наличия/отсутствия у денотата признака активности. Выше уже упоминалось, что категория «активность/инактивность» развилась из более древней категории «одушевленность/неодушевленность», так как последняя характеризовала активные языки на раннем этапе их развития. Более абстрактная категория «активность/инактивность» зависит в большей степени не от обожествляемости или олицетворения предмета или явления, а от положения и роли этого предмета (явления) при совершаемом действии.

Активность проявляется в случае, когда предмет оказывает какое-либо воздействие на другой предмет, т.е. когда он выступает субъектом активного

действия. Инактивность предмета реализуется тогда, когда этот предмет оказывается неспособным занимать позицию субъекта активного действия, а может быть только объектом совершаемого действия или субъектом инактивного действия. Существительные, будучи как активными, так и инактивными, должны были быть маркированы морфологически. Одним из маркеров активного имени был формант *-es. Объект действия и субъект инактивного действия изначально морфологически никак не выражались, и форма на *-es противопоставлялась, таким образом, чистой основе. Позже, как можно увидеть из материала древнейших индоевропейских языков, появился новый суффикс *-m, ставший маркером инактивного имени наряду с -ø, так как нулевой маркер в силу своего универсального характера, видимо, не был достаточно отчетливым сигнификатом (о происхождении форманта *-m см. [10, с. 48–51]).

При изменении строя языка от активного к номинативному из-за утраты значимости противопоставления активного и инактивного действия формант *-es стал маркировать также субъект инактивного действия, а *-m закрепилось только за падежом объекта. Необходимо также упомянуть здесь одно явление, которое имело огромную важность в период активного строя, и остатки этого явления наблюдаются и в современных индоевропейских языках.

Как уже отмечалось выше, суффикс *-es служил маркером активных имен (активного падежа). По мнению многих исследователей, этот суффикс был не единственным в реализации данной функции. Были и другие суффиксы, выполняющие ту же самую функцию, при этом необходимо заметить, что эти суффиксы были также консонантными: -t, -tH, -kH, -n [11, с. 16–17; 8, с. 273; 12, с. 42]. Можно предположить, что консонантные суффиксы, выражая также отдельные или единичные понятия, противопоставлялись в некоторой степени гласному -ā (*<aH), обозначающему отвлеченные или абстрактные понятия. Указанная оппозиция способствовала закреплению маркированности «единичность» > «одушевленность» > «активность» за консонантными формантами.

В период разложения активного строя инактивный падеж (с маркером *-m) развился в винительный падеж в языках с номинативной структурой. Бывший активный падеж, маркированный *-es, -t и пр., развился в два падежа, получившие названия именительный и родительный (номинатив и генитив). Не приходится сомневаться, что эти падежи генетически имеют один источник, и главным аргументом здесь является наличие окончания -s/-es в индоевропейских языках [13, с. 92, 93].

В индоевропеистике до сих пор остается открытым вопрос о том, какой из этих падежей является более древним. Например, В. Леман, ссылаясь на Г.А. Климова, объясняет более позднюю природу генитива тем, что языки активного строя не имеют генитива [11, с. 16]. Вяч. Вс. Иванов не исключает противоположной точки зрения, мотивируя тем, что «в языках с противопоставлением эргатива и неэргатива эргатив выступает в функции родительного падежа» [14, с. 132] (учитывая год выхода этой работы, можно поставить знак равенства между эргативом и активным падежом).

Другим веским аргументом в пользу второго мнения может служить реконструкция окончаний номинатива и генитива. Все лингвисты сходятся во мнении, что окончание номинатива *-s и генитива *-es восходит к форме *-es, а выпадение гласного в показателе именительного падежа объясняется теми тенденциями, которые активизировались до его оформления как падежа субъекта, а именно явлением аблаута, основанного на принципах акцентуации. В связи с тем, что в номинативе была обобщена полная ступень аблаута под ударением, гласный в суффиксе выпал (*-es > *-s), в то время как генитив сохранил характерное ему ударение на суффиксе, и это не позволило гласному редуцироваться. Маловероятным представляется то, что генитив, будучи производным от номинатива, восстановил бы древний суффикс в его первоначальном виде, как и то, что генитив должен был возникнуть в таком случае после того, как чередование по аблауту в именной парадигме стало важнейшей ее характеристикой.

Дальнейшее размежевание функций этих двух падежей происходило достаточно медленно, так как еще в хеттском языке генитив может выступать в роли номинатива, ср., например, употребление род. п. **uaštulaš** «греха» в значении «человек греха > грешник», где «родительный падеж можно рассматривать как способ образования *падежа деятеля* (выделено нами. – К. В.) от основы среднего рода, не имеющей этого падежа (!)» [14, с. 133]. Более того, хеттские генитивные формы могут использоваться для выражения индивидуального и партитивного значения. Это же явление характерно и для древнеиндийского языка. Генитив в роли под-

лежащего можно проиллюстрировать примером из Авесты: **kat tāpaŋa frayan pasvaṃ vā staoraṃ va na'riṇaṃ** «по этому пути пройдут (кто-нибудь из) мелкого или крупного скота, мужчин и женщин» (пример взят из [15, с. 626]). В данном предложении родительный падеж указывает на вычленение предмета из группы однородных ему, т.е. партитивное значение.

Необходимо также упомянуть здесь хеттский родительный на -an, который, как может показаться, выбивается из предложенной схемы. Данная форма находит параллель только в кипрском диалекте древнегреческого языка, и оба эти исключения напрямую соотносятся с окончанием генитива множественного числа -an, который в свою очередь происходит от аккузатива *-m. Не вызывает сомнения сейчас, что парадигма множественного числа формировалась позже, чем парадигма единственного числа. Хеттский генитив -an (единственное и множественное число) восходит к той эпохе, когда данный падеж перестал выполнять функцию подлежащего, т.е. после разрушения активного строя. Отражением той эпохи является также лат. **amor patris**, которое может обозначать как «любовь отца», так и «любовь к отцу». Латинский язык сохранил только маркер *-es, и совершенно прав здесь К.Г. Красухин, который указывал на то, что генитив на *-es (*-os) играл роль субъекта («любовь отца»), а генитив на *-om – объекта (в данном случае «любовь к отцу»), последний из которых является более поздним [16, с. 120].

В качестве еще одного доказательства связи генитива с семьей «единственность» можно привести индоиранское и греческое окончание родительного падежа *-osio (откуда также арм. -ou), так как по происхождению оно представляет *-os + *-io (указательно-анафорическое местоимение). Это окончание, таким образом, «...по началу придавало имени значение, близкое к определенному артиклю в современных европейских языках или полному прилагательному в славянских и балтийских» [16, с. 122].

В данной статье принимается, таким образом, точка зрения, согласно которой в период формирования номинативного строя генитив более полно сохранил функции, характеризовавшие древний активный падеж, а номинатив, чуть позднее взявший на себя функцию субъекта действия, заимствовал ряд черт, не типичных для этого падежа, а именно из бывшего инактивного падежа, развившегося в аккузатив.

Наряду с вышеуказанными суффиксами для маркирования активности также мог служить суффикс *-nt [17, с. 116]. Данный суффикс -nt уже не вычленяется как отдельная морфема во всех германских образованиях, обозначающих «зуб»: др.-ан. **tōþ**, др.-исл. **tonn**, гот. **tunþus** и др.

По мнению А. Мейе, имена с суффиксом *-nt являются причастиями действительного залога настоящего времени. Данный суффикс присоединялся к атематическим основам без удвоения и реализовался в качестве вариантов с разными степенями аблаута: *-ent, *-ont, *-nt [33, с. 298].

Материал новооткрытых языков (главным образом, хеттского) показал, что в отношении залога суффикс -nt ведет себя далеко не так однозначно, как на это указывал А. Мейе [18, с. 298]. В «Сравнительной грамматике...» Э.А. Макаев отмечает, что основная проблема, связанная с nt-основами, — это соотношение суффикса -nt в именной и глагольной парадигме [19, с. 243]. В связи с тем, что причастие первоначально было недифференцированным в залоговом и временном отношении, он делает вывод об именном происхождении nt-образований.

Аналогичной точки придерживается Вяч. Вс. Иванов, который указывает, что глагольное имя на -nt превращается в причастие, сохраняющее явные признаки именных основ с тем же суффиксом [14, с. 151]. На это указывает также двойственность в залоговом отношении. Так, в хеттском суффикс -ant используется для образования страдательных причастий, напр. **kunant** «убитый» [20, с. 149]. Другое причастие сохранило как пассивное, так и активное значение: хет. **adant** обозначает «съеденный» и «съевший». Вяч. Вс. Иванов отмечает, что данное явление находит стойкие параллели в старолатинском, литовском, тохарском и германском причастии [14, с. 152]. Из этого следует, что для индоевропейского языка-основы причастия не были характерны, но имелись отглагольные имена, которые вовлекались в глагольную парадигму уже после распада индоевропейской семьи, т.е. на протяжении истории отдельных диалектов.

Именно в этот момент образования с -nt окончательно оформляются как причастия действительного залога. Являясь активными причастиями, они обозначали деятеля, т.е. суффикс -nt стал маркером именно активных имен, на что указывали Гамкрелидзе и Иванов [8, с. 302]. Хеттский язык предоставляет достаточно иллюстраций этой тенденции, где суффикс -nt использовался для превращения имен среднего (неодушевленного) рода в имена одушевленного рода, напр.: хет. **antuḥṣša-nn** «человечество» (ср. р.) > **antuḥṣša-nn-ant** «население» [14, с. 189, 198], которое является активным собирательным понятием. Такая же тенденция наблюдается и в древнеиндийском языке.

Яркий пример закрепления за этим суффиксом функции маркировать одушевленный род можно увидеть из парадигмы, где хеттские и греческие основы на -ant, маркировавшие косвенные падежи (т.е. в первую очередь родительный падеж), проти-

вопоставлялись формам на -г (именительный/винительный падежи). В данной двухпадежной гетероклитической парадигме -nt обозначал активный падеж, а -г — инактивный.

Рассмотрим вышесказанное на примере истории слова со значением «зуб» в древнегерманских языках. Все индоевропейские параллельные образования сохранили только активное значение «зуб» < «тот, кто ест». Ю. Покорный возводит их к индоевропейским корням ***dek-** «кусать» или, что намного вероятнее, к ***ed-** «есть» [21, с. 287–289]. Данный глагол засвидетельствован во многих индоевропейских языках: гот. **itan**, лат. **edo**, пал. **at-** (3 л. мн. ч. **á-ta-tu-u** «да съедят») и т.д. Изначальная форма ***ed-nt**, если и существовала какое-то время, то, видимо, очень недолго, так как древнейшее чередование *e/ø* не сохранилось ни в одном индоевропейском языке. Таким образом, между корнем и суффиксом возник гласный -o-, а начальный корневой гласный *e* исчез. Гласный *a-* в начальной позиции в хет. **adant**, гр. **óðov** и арм. **atamn** может быть объяснен как протетический гласный, возникший из бывшего ларингального, так как корень ***ed-** возводится к более древней структуре CVC, т.е. *(H)**ed-nt** > ***ad-o-nt**. Последняя реконструированная форма послужила основой для всех однокорневых имен со значением «зуб».

Следующим важным этапом реконструкции развития этого образования является окончательное закрепление за суффиксом -nt функции маркера одушевленности/активности. По этой причине -nt некоторое время был концом слова, т.е. других формантов (например, *-s) в этом слове еще не было. Если принять во внимание, что бывший активный (родительный) падеж имел окситонное ударение, тогда становится очевидным, что гласный -o- мог возникнуть только под ударением, а корневой гласный в безударной позиции уже исчез, и чередование по аблауту имело вид *ø/o*. Данную структуру можно считать исходной для всех индоевропейских образований со значением «зуб».

Дальнейшее развитие этих слов идет по своеобразному кругу. Форма ***dont** не могла существовать долго одна, так как не имела противопоставления внутри двухпадежной парадигмы. Можно также предположить, что приблизительно в это же время суффикс -nt, слившись с корнем, уже перестал восприниматься как таковой, т.е. связь с глаголом была потеряна. Маркер одушевленности ослабил свои функции, и к слову был присоединен другой показатель одушевленности, который был очень продуктивным в тот период: форматив *(e)s. Новый суффикс по правилу чередования гласных в формах парадигмы должен был быть ударным, и он «перетянул» на себя ударение, в то время как в инактивном падеже, маркированным *-m, ударение оста-

лось на корне. Теперь парадигма выглядела следующим образом: ***dŋt-és** (активный падеж) и ***dónt-m** (инактивный падеж). По мнению О. Семереньи, «там, где при нулевой ступени возникали тяжело-весные группы согласных (как в форме ***dŋt-és**. – К. В.), гласный вовсе не исчезал или вскоре восстанавливался [22, с. 171]. Данное состояние достаточно хорошо можно проследить на парадигме древнеиндийского слова; ряд черт обнаруживаются также в формах греческого и латинского слов. Окситонный генитив древнеиндийского имени, обозначающего «зуб», засвидетельствован как **datás**, где корневой -a- – это нулевая ступень от *-an, и представляет собой регулярное развитие *-ŋt- (***datás** < ***dŋt-és**). Номинатив **dan** и аккузатив **dántam** характеризуются ударением на корне, т.е. баритонное ударение в этом случае показывает, что эти формы должны были произойти из формы бывшего инактивного падежа.

Другие индоевропейские языки уже не сохранили чередования по аблауту внутри парадигмы, и во всех словах произошло выравнивание, и разные языки, таким образом, для всей парадигмы избрали нулевую ступень, либо ступень -o-. Нулевая ступень обобщена в лат. **dēns**, др.-ирл. **dēt**, гот. **tunþus**, в то время как полная ступень представлена в гр. **odón**, др.-инд. **dán**, лит., др.-прус. **dantis**, а также во всех германских языках западной и северной ветвей.

По мнению А. Мейе, распределение ступеней аблаута внутри парадигмы, подобно древнеиндийскому, существовало и в общегерманском. Он восстанавливает о.-герм. вин. п. ед. ч. как ***tanþ-u(n)** (< и.е. ***dont-M**) и род. п. ед. ч. – ***tanþ-iz** (< и.е. ***dŋt-és**) [23, с. 86]. Подтверждение его реконструкции можно увидеть, если сопоставить др.-ан. им. п. **tōþ** (< о.-герм. ***tanþ-s**) и гот. род. п. **tunþaus**.

В др.-ан. **tōþ** после назализации гласного и выпадения сонорного не ощущается уже абсолютно никакого присутствия бывшего суффикса, и оно, также как и др.-исл. **tonn**, переходит в корневой тип склонения, сохранив индоевропейский мужской род. Первоначальный переход этого слова в корневое склонение также можно объяснить отсутствием бывшего суффикса в структуре слова, так как с синхронической точки зрения элемент -n уже стал частью корня, точно так же, как и второй элемент бывшего суффикса -t прочно вошел в состав корня в древнеанглийском существительном.

История гот. **tunþus** интересна именно тем, что, в отличие от западно- и северогерманских параллелей, данное существительное не включилось в кор-

невое склонение. Можно найти две причины такому размежеванию. Первая причина носит чисто морфологический характер. Развитие гласного -u- в окончании вин. п. (**tunþum**) стало причиной перехода в склонение на -u. Роль окончания винительного падежа в этом является бесспорной, так как этот падеж является наиболее употребительным, поскольку форма именительного падежа этого слова не была зарегистрирована в готских текстах.

Более интересна, однако, другая причина: переход гот. **tunþus** в более продуктивное (в готском языке) склонение на -u обусловлен сохранением в этом слове архаичного чередования по аблауту, рассмотренного выше. Принимая во внимание тот факт, что готское слово обобщило нулевую ступень аблаута (т.е. имело окситонное ударение и восходит, таким образом, к форме древнего активного падежа), не исключена возможность, что, будучи изначально активным, данное слово «стремилось» сохранить именно эту древнейшую функцию. Именно поэтому оно стало тяготеть к u-основам, так как германские основы на -u характеризовались теми же признаками, что и согласные основы, а именно концентрировали в своих склонениях одушевленные имена [24, с. 70, 71].

Древнеанглийское и древнеисландское имена, в свою очередь, имеют в корне полную ступень и, следовательно, должны были характеризоваться ударением на корне. Образованные, таким образом, из формы бывшего инактивного падежа данные имена попали в тип склонения, который притягивал неодушевленные имена. Именно таковым в германских языках стало корневое склонение [25, с. 68].

Как показал проведенный анализ, двухпадежная система склонения была характерной чертой индоевропейского языка на ранних этапах его развития. Бинарная оппозиция падежей выражалась не только морфологически, но и с помощью акцентуации. На протяжении истории языка-основы маркер одушевленности мог терять свое значение и, следовательно, переставал пониматься как морфема. В таком случае возникала потребность в повторном маркировании, как можно увидеть это на примере индоевропейских слов со значением «зуб». Значимость данных германских языков при этом трудно переоценить, так как германские языки сохранили достаточно архаических черт наряду с древнеиндийским, хеттским и греческим. На это указывает распределение германских существительных со значением «зуб» по типам склонения, которое имеет под собой, таким образом, не только морфологическую, но и семантическую основу.

Литература

1. Уленбек Х.К. Agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
2. Кацнельсон С.Д. К генезису номинативного предложения. М.-Л. 1936.
3. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.
4. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.
5. Дьяконов И.М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения // Эргативная конструкция предложения в языках разных типов. Л., 1967.
6. Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.
7. Климов Г.А. Типология языков активного строя и реконструкция праиндоевропейского // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Вып. 5. М., 1973.
8. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейские языки и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Благовещенск, 1998.
9. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
10. Иллич-Свитыч И.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 2. М. 1976.
11. Леман В.П. Новое в индоевропейском исследовании // Вопросы языкознания. 1991. № 5.
12. Осипова О.А. Интерпретация индоевропейских консонантных основообразующих формантов в свете данных языков Сибири // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 1999. Вып. 4.
13. Kurilovicz J. Etudes indoeuropeenes. Krakow, 1935.
14. Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. М., 1963.
15. Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Ber.- Leipzig. 1922.
16. Красухин К.Г. Введение в индоевропейское языкознание: курс лекций: учебное пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М., 2004.
17. Осипова О.А. Древнегерманские существительные с основами на -s и -f и их функциональная значимость // Функциональный анализ значимых единиц в парадигматике и синтагматике. Новосибирск, 1991.
18. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л, 1938.
19. Сравнительная грамматика германских языков / М. Гухман, Э.А. Макаев и др. Т. 3. М. 1963.
20. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
21. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951–1959.
22. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
23. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.
24. Осипова О.А. Отражение категории одушевленность/неодушевленность в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка). Томск, 1980.
25. Осипова О.А. Готские существительные корневых основ и их связь с категорией одушевленность/неодушевленность // Вопросы германской филологии. Новосибирск, 1982.

Ф.Л. Косицкая

КАТАЛОГ МОДЫ КАК СИМФОНИЯ ДИСКУРСОВ

Томский государственный педагогический университет

Дискурсивные аспекты языка вызывают большой интерес в современной лингвистике, что порождает многомерность и гетерогенность теорий и интерпретаций дискурса. Сущность дискурсивного подхода заключается в том, что лингвистические описания предваряются анализом разнородных ситуаций, в которых осуществляется коммуникация. С одной стороны, комплексный языковой анализ реализации текста оказывается детерминированным условиями порождения. С другой стороны, современный дискурсивный подход к описанию

структуры текста не является завершенным, а предполагает дальнейший анализ его функционирования в социуме.

Нами проведено исследование дискурсивной природы и структуры французских и русских каталогов моды, которые впервые становятся объектом лингвистического описания. В нашем исследовании дискурс рассматривается с точки зрения ситуативного или культурно-ситуативного подхода, в рамках которого уделяется особое внимание роли внешнего компонента речи. В таком понимании